

В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

**ЛАБРИС (СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ) И СИНДЫ
(по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции
ИИМК РАН в 2001-2008 гг.)**

Семибратнее городище, расположенное в 28 км к северо-востоку от г. Анапы, близ пос. Чекон, занимает площадь около 10 га и своей широкой северной частью протяженностью 360 м развернуто к левому берегу Кубани между долинами рек Чекупс и Шакон (рис. 1). История его исследования насчитывает уже почти 120 лет. Первые небольшие раскопки здесь провел в 1878 г. В.Г. Тизенгаузен, ранее исследовавший знаменитые Семибратние курганы (рис. 2). Он оставил первое описание руин древнего города, расположенных в 3-х км к юго-востоку от них. Заложенные тогда по краям городища траншеи выявили остатки оборонительных сооружений «вышиной 4,5 аршина» (т.е. около 3,2 м), но никаких суждений по поводу их датировки автором раскопок высказано не было, кроме указаний на то, что при этом были найдены ручка греческой амфоры с клеймом и коррозированная медная, скорее всего, боспорская монета [ОАК, 1878-1879, с. VIII-IX]. Девяносто лет назад, давая оценку данным, полученным В.Г. Тизенгаузеном, М.И. Ростовцев вполне справедливо отмечал, что уже поверхностная разведка на городище «показала, сколько свету пролило бы серьезное исследование на быт и культуру синдов и какую реальную основу подвело бы оно под краткие сообщения Диодора и Тацита» [Ростовцев, 2002, с. 93]. Он предполагал несомненную связь городища с одноименными курганами и, следовательно, относил его, как минимум, к V–IV вв. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 352].

В 1927 г. городище обследовалось сотрудниками экспедиции РАНИОН [Башкиров, 1928, с. 71-86], а в 1931 г. – Таманской экспедиции ГАИМК [Иессен, Миллер, 1932, с. 58-61]. В 1937 г. Краснодарским историко-краеведческим музеем было организовано обследование низовьев Кубани и ее левого притока, р. Адагума. Тогда же на Семибратнем городище были впервые проведены топографические работы (сохранился план без высотных отметок) и сбор подъемного материала¹. Через год здесь начала работу экспедиция под руководством Н.В. Анфимова, которая, с перерывами, в течение

¹ Анфимов Н.В. Отчет по обследованию низовья р. Кубань // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, 1937, оп. 1, № 190.

девяти полевых сезонов, вела раскопки этого археологического памятника вплоть до 1955 г. [Анфимов, 1941, с. 258-267; 1951а, с. 238-244; 1953, с. 99-111].

Название города, которое можно, по всей видимости, реконструировать как Лабрис, стало известно значительно позднее, после случайной находки в 1985 г. надписи боспорского царя Левкона I, в которой повествуется о том, что он посвятил здесь статую Фебу Аполлону после сражения с Октамасадом, сыном царя синдов Гекатея [Блаватская, 1993, с. 34-48; Тохтасьев, 1998, с. 286-302; Виноградов Ю.Г., 2002, с. 3-22; Яйленко, 2004, с. 425-445; Tokhtas'ev, 2006, p. 2-22].

Общая мощность культурных напластований на городище достигает 3,3 м. По данным раскопок его северной части, Н.В. Анфимов датировал их следующим образом. Самый ранний слой он отнес к концу VI – V вв. до н.э. и связал с ним остатки крепостной стены начала V в. до н.э. толщиной 2,40-2,45 м с прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии 15-18 м друг от друга (рис. 3)². Считая существовавший здесь город на раннем этапе его существования тесно связанным с историей Синдского царства, Н.В. Анфимов не сомневался в том, что он возник в результате быстрого социально-экономического развития синдов [ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 132-133], оказавшихся в близком соседстве с греческими апойкиями Боспора Киммерийского. К началу IV в. до н.э. Н.В. Анфимов счел возможным отнести мощный зольный слой, возникший в результате пожаров и разрушений, который он связал с событиями военного характера в Синдике, известными из новеллы Полиэна о синдском царе Гекатее и меотянке Тиргатао [Polyaen, VIII, 55]. В конце того же столетия по его наблюдениям происходит еще один разгром Лабриса и окончательное разрушение ранних оборонительных сооружений. Третий строительный период связан с концом IV – первой половиной III в. до н.э., а последний в истории города – со второй половиной III – началом II вв. до н.э. В конце I в. до н.э., когда город уже лежал в развалинах, здесь возникло небольшое поселение, просуществовавшее около столетия. Эта, предложенная Н.В. Анфимовым хронологическая схема, долгое время не вызывала особых сомнений, но затем появились и другие взгляды относительно датировки оборонительных сооружений Лабриса, внешний вид которых был реконструирован В.П. Толстиковым (рис. 4), и этапов застройки территории города [Толстиков, 1985, с. 356-358; Горлов, Лопанов, 1999, с. 172].

По итогам работ Н.В. Анфимова, Семибратнее городище было признано памятником археологии федерального значения и поставлено под государственную охрану Постановлением № 1327 Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. Затем в его исследовании наступил перерыв, затянувшийся более чем на сорок лет и сказавшийся далеко не лучшим образом на сохранности

² Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Семибратнего городища в 1951 г. // Рукописный архив ИА РАН, ф. Р-1, № 622, л. 3.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

открытых тут крепостных стен, башен и жилых домов, первоначальная высота которых достигала почти 2 м. Многие были выбраны окрестными жителями на камень, а современное состояние памятника в целом можно определить как аварийное, т.к. большая его часть (около 80 %), вопреки действующему законодательству, находится в хозяйственном использовании. Глубокая вспашка (до 0,7 м), проведенная в свое время агрофирмой «Чекон» и ежегодно на несколько меньшую глубину повторяющаяся ее правопреемником ООО «Прикубанское», не затронула только участки, прилегающие к старым раскопам Н.В. Анфимова в северной и северо-восточной частях городища. Помимо этого, по западному краю городища вдоль лесополосы, высаженной над трассой оборонительной стены, проходит грунтовая дорога, пересекающая северо-западный отрезок оборонительной стены на протяжении 8 м и постепенно разрушающая ее кладку, размываемую дождями. Хорошо фиксировавшийся ранее ров к западу от лесополосы почти полностью распахан. Та же судьба постигла грунтовый некрополь Семибратнего городища, расположенный к западу и югу от него.

В этой ситуации раскопки городища, возобновленные с 2001 г. Боспорской экспедицией Института материальной культуры РАН под руководством автора этой статьи [Горнчаровский, 2005, с. 208-219], носили, прежде всего, охранно-спасательный характер. Целью настоящей работы является анализ новых данных, полученных в ходе проведенных полевых исследований, в том числе и неструктивного характера (геомагнитная разведка, анализ отобранных палинологических образцов). Вместе с тем, мы в полной мере сознаем, что вплоть до осуществления широкого изучения застройки Лабриса на различных этапах его существования ряд наблюдений и выводов носят предварительный характер и требуют дополнительного обоснования.

Основные работы Боспорской экспедиции были связаны, главным образом, с практически неисследованной ранее южной частью городища. Место для раскопа I было выбрано в зоне распашки, на небольшом всхолмлении, где находились многочисленные вывернутые плугом куски известняковых плит. В свое время, интерпретируя данные аэрофотосъемки (рис. 5), Ю.В. Горлов и Ю.А. Лопанов отметили здесь на плане почти квадратный, по их мнению, выступ, рассматривая его как остатки цитадели I–III вв. н.э. с регулярной планировкой и «элементами фортификационной системы, в основе которой лежит один из типов римского лагеря» [Горлов, Лопанов, 1999, с. 172]. Понимая уязвимость подобных выводов, они оставили последнее слово за археологическими раскопками, и действительно, недавние исследования внесли существенные коррективы в сделанные ими предположения. Прежде всего, как показала геомагнитная разведка, южная часть Лабриса в плане представляет собой не квадрат, а трапецию (рис. 6), длина основания которой достигает 200 м, а боковые стороны, соответственно, – 100 м и 130 м (общая площадь выступа около 2,5 га). Северная же часть

городища, обращенная к древнему руслу Гипаниса, имеет овальные очертания. Эти различия, в условиях достаточно ровной местности (перепад высот на территории городища составляет не более 4-х м)³, являются не случайными, а отражающими определенные этапы в развитии городской территории. Форма прибрежной части Лабриса, видимо, окончательно сложилась в результате фиксации после строительства оборонительных сооружений границ первоначальной, достаточно беспорядочной застройки.

В свое время Р. Мартен выделил прямую зависимость системы застройки периферийных греческих центров от их экономической ориентации [Martin, 1973, p. 87-112], и ранний Лабрис в данном случае соответствует эмпорию, т.е. поселению преимущественно торгового профиля, основанному с целью налаживания обмена с туземным обществом, от которого оно целиком зависело, поскольку находилось в непосредственном варварском окружении [Valle, 1973, p. 54 ff.; Bravo, Chankowski, 1999, p. 275 ff.]⁴. Основная торговля велась по реке, но, где находился городской порт, пока не совсем ясно. Геомагнитная съемка участка площадью около 0,08 га у древнего русла Кубани, в заросшей травой низине за северной стеной городища, показала полное отсутствие каких-либо портовых сооружений. Видимо, они располагались к северо-западу от Лабриса, где, судя по рельефу местности близ устья пересохшей р. Шапон, можно предполагать в древности наличие достаточно большой бухты.

Датировать основание в земле синдов Лабриса как эмпория типа *port of trade*, по терминологии К. Поланьи [Козловская, 1984, с. 40], можно на основании происходящих с территории северной части городища керамических материалов. Наиболее ранние образцы фрагментов амфорной тары и греческой расписной керамики дают одну и ту же дату – не ранее самого начала V в. до н.э. [ср.: Каменецкий, 2003, с. 72; Вдовиченко, 2006, с. 32]. Следовательно, первоначальные оборонительные стены, которыми вскоре была окружена достаточно большая территория площадью около 8,5 га, должны были быть возведены в период, близкий к весьма знаменательной для Боспора дате – 480 г. до н.э. В связи с этим можно высказать одно предположение: а не было ли это одной из первых акций созданной тогда для отражения скифской опасности симмахии, включившей в число своих союзников синдов? [См.: Толстикова, 1984, с. 32 и сл.; Шелов-Коведяев, 1985, с. 77]. Строительство укреплений на Семибратнем городище было акцией весьма серьезной и дорогостоящей, поскольку в начале – первой четверти

³ Еще В.Г. Тизенгаузен отмечал, что южный край городища просто сливается с полем [ОАК, 1878-1879, с. VIII].

⁴ А. С. Русяева высказала предположение, что Лабрис мог быть основан боспорскими греками на синдской территории под эгидой Феба Аполлона [Русяева, 2003, с. 225 и сл.]. Действительно, судя по посвящению Левкона I, по крайней мере, ко времени описываемых в нем событий, Феб Аполлон уже был божественным покровителем Лабриса.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

V в. до н.э. целая фортификационная система, а не отдельные укрепления, известна только для акрополя Пантикапея [Толстиков, 2001б, с. 397-398].

Вполне возможно, что местный правитель, оговорив все аспекты взаимовыгодных политических, военных и экономических отношений с боспорскими городами в специальном соглашении, имел в Лабрисе постоянную резиденцию⁵, что и обусловило в дальнейшем особую роль этого города как в формировании у синдов не позднее середины V в. до н.э. раннего типа государственности [Тохтасьев, 2001, с. 66], так и в событиях военно-политической истории Синдики⁶. Индикатором значимости данного центра являются богатые захоронения в группе расположенных неподалеку Больших Семибратних курганов, первые из которых были произведены около середины V в. до н.э. (курганы №№ 2 и 4), а исчезает традиция возведения здесь курганов как раз с концом независимого существования Синдского царства⁷.

В южной части городища самые ранние культурные напластования были вскрыты на участке площадью 120 кв. м, примыкавшем к внутреннему фасу восточной фортификационной линии. К ней относятся возведенная на материке прямоугольная внутренняя проездная башня (вскрытая часть имеет размеры 6,5 x 4,9 м), со стенами толщиной до 0,85 м при сохранившейся высоте до 0,94 м и пристроенная к ней лестница (рис. 7). Судя по фрагментам хиос-

⁵ Примером подобного рода отношений является ситуация, сложившаяся в Ольвии, где скифский царь Скил имел «дом обширных размеров и богато устроенный» [Herod., IV, 78-79].

⁶ Возможно, именно в Лабрисе греческими мастерами была налажена чеканка синдских монет [Смекалова, Горнчаровский, Дюков, 2007, с. 34-36]. Поскольку среди них представлены различные номиналы, включая и мелкие, можно сказать, что они чеканились для удовлетворения потребностей местного внутреннего рынка, то есть для ежедневного оборота. Ранее, начиная с А.Н. Зографа, высказывалась мысль о возможности их изготовления на пантикапейском монетном дворе [Зограф, 1951, с. 168; Терещенко, 1999, с. 84-89; 2004, с. 18; Тохтасьев, 2001, с. 68]. Правда, это не согласуется с данными металлографического анализа монет синдов, отличающихся по составу серебра от эмиссий других боспорских центров [Смекалова, 2000, с. 268]. Во всяком случае, исходя из общего анализа ситуации, отнесение Н.А. Фроловой начала их выпуска к первой половине V в. до н. э., а, может быть, и ранее [Фролова, 2002, с. 73], представляется неоправданно заниженным. Более узкие датировки выпуска синдских монет предлагали Д.Б. Шелов – последняя четверть V в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 45]; В.А. Анохин – 433-403 гг. до н.э. или 430-400 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 137-138; 1999, с. 43] и А.Е. Терещенко – 431/430 – начало IV в. до н.э. [Терещенко, 2004, с. 19].

⁷ Хронологически погребальные комплексы других курганов распределяются следующим образом: №5 — середина – третья четверть V в. до н. э.; № 1 — конец V – начало IV в. до н. э.; № 6, вероятно, был сооружен в первое десятилетие IV в. до н. э.; №№ 7, 3 — в первой четверти IV в. до н. э. При этом курган № 3, вероятно, был последним по времени возведения, поскольку сооружался наспех и был буквально втиснут между курганами №№ 2 и 4 [ср.: Бутягин, 1996, с. 45; Виноградов, 2005а, с. 252-254; Власова, 2005, с. 71]. Недавно была получена дополнительная информация относительно курганов № 4 и № 6. Для первого из них комбинированная радиоуглеродная дата довольно точно отразила археологические представления: курган был сооружен в интервале между 520 и 400 гг. до н.э., для второго в качестве *terminus post quem* выступает 400 г. до н.э. [Алексеев и др., 2005, с. 190-191].

ских пухлогорлых амфор, один из которых выявлен в кладке башни, городская жизнь здесь началась во второй четверти V в. до н.э. Стены башни имели трехчастную структуру: два панциря из уплощенных, грубо обколотых кусков известняка с забутовкой из плотно утрамбованной глины с примесью мелких камней. Внутреннее помещение, видимо, служило для размещения постоянной стражи, охранявшей вход в город. О долговременном присутствии здесь небольшой группы людей свидетельствует сохранившееся в юго-западном углу башни на глинобитном полу горелое пятно от двухкамерного очага прямоугольной формы размерами 0,6 x 0,55 м.⁸ Над уровнем пола в районе очага зафиксированы золистые прослойки с примесью угля мощностью до 0,37 м, в которых, помимо обгоревших костей домашних животных, присутствуют раковины мидий и костяные пластинки осетров. Битая посуда, использовавшаяся для приготовления пищи, и бытовые отходы выбрасывались тут же, за стену, в угол между башней и лестницей.

Отмечена нивелировка рельефа местности под подошву лестницы с помощью слоя плотно утрамбованной, достаточно однородной глины светло-коричневого оттенка толщиной до 0,3 м. Длина основания лестницы 5,4 м, а ширина – около 2-х м. Сохранившиеся четыре нижних ступени имеют угол наклона 30°, что предполагает выход на верхнюю площадку проездной башни на высоте около 3,5 м. Кладка ее – иррегулярная, постелистая, с использованием блоков известняка размерами по фасу от 0,16 x 0,1 м до 0,92 x 0,16 м. Среди исследованных к настоящему времени памятников аналогичную оригинальную конструкцию с невысокой внутренней проездной башней и примыкающей к ней лестницей имеют только ворота в крепостной стене Пистироса (рис. 8), греческого эмпория, основанного в V в. до н.э. во Фракии на берегу реки, в более чем 300 км от морского побережья [Domaradzki, 1996, с. 18-19, fig. 1.4; 1.8; 2.2; Боузек, 2006, с. 34-35]. Впрочем, этим аналогии с Пистиросом не исчерпываются. Дело в том, что ворота в его крепостной стене с внешней стороны имели лишь одну башню, к которой атакующие должны были разворачиваться боком, не закрытым щитом. Судя по данным геомагнитной разведки, в Лабрисе таким же образом располагались погибшие в огне пожара башни (рис. 9), защищавшие обращенные на юг и на запад крепостные ворота, которым в длинной положительной аномалии на съемке соответствуют «разрывы» шириной около 5 м. Причем на южной линии обороны таких разрывов два, видимо, для обеспечения возможности неожиданных вылазок в случае неприятельской попытки прорваться в город с этой стороны. Здесь необходимо отметить наличие мощной положительной магнитной аномалии только на южной и западной линии обороны, где, как уже отмечалось,

⁸ Для сравнения остатки глинобитных печей ранее были открыты Н.В. Анфимовым именно в юго-западной части башен 1 и 2. См.: Н.В. Анфимов. Отчет о раскопках Семибратнего городища в 1950 г. // Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. № 486, с. 9-10.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

местность достаточно ровная. Возможно, это обстоятельство потребовало сооружения на внешней линии вырытого тут рва шириной около 13 м, а может быть, и в самом рву, дополнительных препятствий на пути нападавших, например, деревянного палисада, который, сгорев, и оставил столь сильный магнитный след. Далее на север, вдоль западного края лесополосы, где прослеживаются идущие с некоторым интервалом небольшие всхолмления, на магнитной карте «читается» слабая изогнутая положительная аномалия с вытянутыми прямоугольными выступами на расстоянии около 14 м друг от друга. Эти выступы можно предварительно интерпретировать как башни.

Я. Боузек, сопоставляя укрепления Пистироса с фортификационными сооружениями Северной Греции, пришел к выводу, что они наиболее близки городским стенам Фасоса, а толчком для отправки партии колонистов вглубь варварской территории могли стать описанные Фукидидом события [Thuc., II, 100-101], связанные с поражением восстания жителей острова против власти Афин в 465 г. до н.э. [Bouzek, 1996, с. 44]. Возведение в земле синдов на том же хронологическом отрезке аналогичных элементов оборонительной линии представляется не случайным. С некоторой долей вероятности можно предположить либо участие в строительстве фасосского архитектора, волею судеб оказавшегося на Боспоре, либо присутствие среди новых колонистов группы выходцев с Фасоса или из его владений на фракийском побережье⁹. Действительно, выплеск городской застройки в южном направлении за линию прежних стен с воротами, которые достаточно четко читаются на карте геомагнитной съемки, вполне вероятно, мог быть связан с прибытием на берега Гипаниса небольшой группы эпойков. Новые городские кварталы, вписанные в трапециевидную форму дополнительных оборонительных сооружений, заняли площадь около 2,5 га, что при средней плотности застройки дает цифру около 130-150 домовладений. Не исключено, что с притоком греческих колонистов в своем дальнейшем развитии Лабрис приобрел статус полиса, оставшись, однако, подконтрольным племени синдов в лице их вождей, видимо, получавших от своих греческих подданных сначала периодические дары в виде дорогого оружия, украшений и предметов роскоши, а затем и фиксированную дань золотом и серебром [ср.: Златковская, 1971, с. 127].

Данная ситуация довольно близко напоминает положение эллинов в рамках возникшего в начале V в. до н. э. Одрисского царства, где греческие полисы, основанные на фракийском побережье еще в VII–VI вв., были не только подчинены одрисским правителям, но и фактически инкорпорированы в структуру подвластного им государства [Высокий, 2003, с. 53]. Мы знаем, что граждане полисов и жители эмпориев в глубине варварской территории, не буду-

⁹ Недавно, на основе анализа ономастических данных и исторической ситуации на Фасосе, в Одрисском царстве и на Боспоре, А. Грэхем предположил, что выходцы с Фасоса связаны с происхождением боспорской династии Спартокидов [Graham, 2002, p. 87-99].

чи собственниками земли, платили налоги фракийскому царю, как и другие его подданные, начиная, как минимум, со времени правления Ситалка (431–424 гг. до н. э.) [Thuc. II. 97, 3]. В этой связи обращает на себя внимание надпись середины IV в. до н.э. из уже упоминавшегося Пистироса [Домарадска, 1991, с. 7-8; Домарадски, 1991, с. 9-10; Domaradzki, 1993, с. 37-43], представляющая собой соглашение между его жителями и фракийским царём, одним из преемников Котиса I (383–359 гг. до н. э.), чей договор с пистирийцами упомянут в надписи как предыдущий. В тексте упомянуты права фракийского царя в отношении подчиненного ему греческого города в форме казуального запрещения, то есть они имели место до оформления соглашения: царь мог судить и отменять долги; мог отобрать и отдать кому-нибудь землю, пастбища и поместье; мог изменять размеры клеров и отдавать их кому-нибудь другому; отбирать другую собственность жителей эмпория; оставлять гарнизон в городе; взимать пошлины на дорогах; наконец, арестовать или казнить любого человека. Таким образом, надпись свидетельствует, что на раннем этапе существования города фракийские правители считались верховными владельцами земли и даже распоряжались правами и свободой греческих поселенцев [ср.: Herod., VII, 137]. Подобные нормы, по всей вероятности, распространялись и на полисы. Права пистирийцев, то есть невозможность в дальнейшем вышеперечисленного, были «дарами» за какие-то заслуги. Из текста надписи мы можем составить представление о динамике предоставления этих прав: при Котисе I были даны гарантии личной безопасности эмпоритов и охраны их движимой собственности. При его преемнике политический статус города был повышен: дано право неприкосновенности земель пистирийцев; верховная судебная власть теперь принадлежала коллективу граждан; запрещалось размещение фракийского гарнизона внутри поселения. Подобное соглашение носило вполне конкретный характер и не касалось всех эмпориев, находившихся на фракийской территории [Высокий, 2003, с. 56-57].

Об этническом облике первоначального поселения на месте Семибратнего городища пока судить сложно, но, в любом случае, по крайней мере, уже со второй четверти V в. до н.э., город, видимо, существовал как греческий центр в Синдике. Не случайно И.С. Каменецкий отмечает для Семибратнего городища «специфически античный набор керамики» [Каменецкий, 2003, с. 71]. В данном отношении интересны также наблюдения И.И. Вдовиченко, изучившей коллекцию аттической расписной керамики из раскопок Н.В. Анфимова. Она обратила внимание на то, что «основная масса находок относится ко второй половине V в. до н.э.», и мы встречаем в их составе «очень изысканную посуду, расписанную лучшими аттическими мастерами», а типологически имеющиеся образцы близки к характерным для городских центров Боспора [Вдовиченко, 2006, с. 35]. Анализ находок из раскопок последних лет дает для V в. до н.э. следующую картину: среди них присутствует довольно большое количество фрагментов чернолаковой и расписной керамики (до 7,5 %

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

керамического комплекса без учета амфор), несколько однобуквенных граффити, в том числе Θε, а также обломки раковин мидий, традиционно входивших в рацион питания древних греков. Контакты с местным населением нашли свое отражение в том, что до 24 % керамического комплекса (также без учета амфорного материала) составляют фрагменты лепных сосудов¹⁰. В дальнейшем, в конце V – первой четверти IV вв. до н.э. картина коренным образом меняется: доля лепной керамики сокращается до 16 % и резко, до 30 %, увеличивается процент чернолаковой и расписной посуды.

Ранние оборонительные сооружения на городище просуществовали недолго и подверглись разрушению не позднее середины 60-х гг. IV в. до н.э. С этими событиями на раскопе I связан золистый слой с включениями угля, где часто встречаются округлые морские гальки примерно одного размера и веса, которые могли использоваться как снаряды для пращи. На том же уровне, в 12 м к западу от оборонительной стены, найден свинцовый снаряд для пращи, имеющий чечевицеобразную форму и вес 55,6 г¹¹. После вхождения Лабриса и синдских земель в состав Боспорского царства, остатки ранних укреплений были использованы как фундамент для возведения новой фортификационной линии¹². Проездная башня с лестницей в данном случае оказалась не нужна и была разобрана. В ходе зачистки восточного борта раскопа I внутренний фас оборонительной стены IV в. до н.э. был вскрыт на протяжении 5,3 м при сохранности в высоту на 1,6 м (рис. 10). Определенные основания для ее датировки дает яма, впущенная с уровня подошвы стены, которая содержала горла гераклейских амфор, демонстрирующих образцы ранних керамических клейм фабрикантов Дионисия, Керкина и Дамофона. Эти находки датируются 70-ми – первой половиной 60-х гг. IV в. до н.э. [ср.: Монахов, 2003, с. 252-253, 307].

Связь между двумя строительными периодами подчеркнута поворотом стены IV в. до н.э. в районе предполагаемых ворот, проем которых шириной около 4-х м читается на аэрофотосъемке и геомагнитной карте. На

¹⁰ В архаических комплексах боспорских городов эта цифра могла доходить и до 35 % [Бутягин, 2005, с. 83]. Впрочем, тут следует учитывать относительное значение этих данных для количественной характеристики доли варварского населения среди жителей города [Крыжицкий, 2006, с. 234]. Во-первых, имеющаяся статистическая выборка пока еще недостаточно велика. Во-вторых, на начальном этапе развития городской жизни лепная керамика могла изготавливаться в небогатых семьях поселенцев. В пользу последнего предположения свидетельствует проведенный И.С. Каменецким анализ находок лепной керамики с Семибратнего городища, демонстрирующей «сознательный выбор форм, близких античным» [Каменецкий, 2003, с. 72].

¹¹ В этой связи интересно отметить информацию о случайной находке в районе Семибратнего городища около десяти свинцовых снарядов для пращи без изображений и надписей [Скобелев, 2003, с. 102].

¹² В свое время В.П. Толстиков, исходя из анализа деталей военно-инженерного характера, считал, что самая ранняя по времени сооружения оборонительная система Семибратнего городища была возведена не ранее первой четверти IV в. до н.э. [Толстиков, 1985, с. 356-358].

пространстве перед ними со стороны города строительные остатки отсутствовали, за исключением фундамента стены шириной 1,28 м, пристроенной к оборонительной линии вскоре после ее возведения. Назначение этой достаточно мощной стены можно видеть в том, чтобы сузить подход к воротам со стороны города¹³. Отсутствие на прилегающей к крепостной стене территории жилой застройки свидетельствует о соблюдении принятых в то время принципов фортификации, согласно которым перед оборонительной стеной следовало оставлять пустое пространство, «чтобы беспрепятственно можно было доставлять камни, чтобы был проход для военной подмоги, и была возможность в случае нужды выкопать внутренний ров» [Philo, Vel., II, 1]. Ширина такого свободного проезда или прохода в южной части городища составляет около 10 м. Именно на это расстояние отстоят от внутреннего фаса стен две солидные постройки, зафиксированные геомагнитной съемкой. В юго-западном углу Лабриса находятся остатки большого здания размерами около (30 x 40 м) с внутренними помещениями прямоугольной формы, а в юго-восточном – крупный строительный комплекс (74 x 50 м) с большим двором (около 1000 кв. м), имеющим портики по продольным сторонам, и двойным рядом помещений по периметру. По размерам и планировке он сопоставим со святилищем, возведенным на месте будущей резиденции Хрисалиска на Тамани [ср: Сокольский, 1976, с. 11, рис. 6].

В конце IV в. до н.э. оборонительная система Лабриса еще раз пострадала в ходе военных действий, скорее всего, в период междоусобной войны сыновей царя Перисада I. Судя по трехступенчатой лестнице, ведущей на уровень, до которого она была разрушена в южной части городища, с III в. до н.э., когда Лабрис превратился просто в один из городов на восточной границе государства, крепостные сооружения здесь отсутствовали, тогда как в северной части города оборонительная линия была реконструирована. Таким образом, можно предполагать определенную пульсацию фортификационной системы города в зависимости от его статуса и благосостояния.

Когда оборонительные сооружения второго строительного периода в южной части городища уже лежали в развалинах, над ними в первой половине III в. до н.э. был заложен теменос, исследованный в пределах раскопов I и Ia на площади около 250 кв. м. Здесь были обнаружены остатки внешней ограды священного участка, ориентированной по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу (рис. 11). Эта ограда вскрыта на протяжении 18 м¹⁴. Она состоит из уложенных в один ряд массивных блоков пиленого ракушечного известняка размерами от 0,6 x 0,32 x 0,28 м до 1,1 x 0,56 x 0,26 м. Наибольшая

¹³ Аналогичная ситуация была зафиксирована при раскопках оборонительной стены IV в. до н.э. в Эмпорионе (Ампуриасе) [Samarti-Grego, Trilla, 1992, S. 102, Fig. 1].

¹⁴ Судя по данным геомагнитной съемки, она продолжается в западном направлении, по крайней мере, еще на 6 м, вплоть до понижения склона на данном участке.

Горончаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

сохранившаяся высота стены – 0,32 м. В ней выявлен проем шириной более 3-х м, запиравшийся, если судить по наличию паза в известняковой плите, обрамляющей его с западной стороны, одностворчатыми воротами.

Верхние грани всех блоков ограды были искрошены и несли на себе следы работы плуга в виде косых параллельных борозд шириной 0,07 м. Неудивительно, что следы перестроек последней четверти III – первой половины II в. до н.э. были выявлены лишь местами. К югу от трассы стены теменоса открыты сохранившиеся участки вымостки двора 1 (2 х 1,3 м и 1,7 х 1,2 м), состоящей из уплощенных плит известняка неправильной формы. Найденные в довольно большом количестве на вымостке обломки калиптеров и керамид, главным образом боспорского производства, скорее всего, относятся к кровле соседних помещений или черепичным навесам во дворе. Из отдельных находок заслуживают упоминания фрагменты керамид с клеймами: [ΠΑΙΡΙΣΑ]ΔΟΥ времени правления Перисада II (284/83-245 гг. до н.э.) [Гайдукевич, 1934, с. 267, 311] и ГОР (середина – третья четверть III в. до н.э.) [Алексеева, 1997, с. 116, табл. 59, 17], а также пантикапейские халк 284-275 гг. с надчеканками звезда – горит [Анохин, 1986, с. 141, табл. 4, 130], тетрагалк 315-284 гг. до н.э. (тип: голова безбородого сатира в плющевом венке - голова льва, осетр) [Шелов, 1956, с. 216, табл. V, 61; Анохин, 1986, с. 141, табл. 4, 125] и дихалк 275-250 гг. до н.э. с двумя срубленными литниками (тип: голова сатира – лук и стрела). На участке двора к востоку от вымостки были открыты пять ям, впущенных в слой плотно утрамбованной глины серого цвета. Три из них, судя по размерам и форме, видимо, предназначались для установки пифосов.

Из двух хозяйственных ям наибольший интерес представляет яма 5, в заполнении которой найдены разбитая на пять кусков боспорская керамида размерами 0,52 х 0,44 м, четыре куска кричного железа с губчатой структурой размерами от 2,3 х 2 х 1,2 см до 5 х 3 х 2,5 см и медная пантикапейская монета типа: голова сатира – лук и стрела [Зограф, 1951, с. 245, табл. XLI, 5], относящаяся к финалу денежного кризиса на Боспоре, т.е. датирующаяся около середины III в. до н.э. Особо следует отметить такую редкую находку недалеко от устья ямы, как свинцовая торговая гирия весом 419,18 г с процарапанной буквой М (сокращение от μίνα). Она соответствует стандарту в одну мину эвбейско-аттической весовой системы и представляет собой близкую по форме к квадрату пластину с закругленными углами 5,8 х 5,4 см и толщиной 1,2 см¹⁵.

¹⁵ Отметим также случайную находку на поле к югу от городища слегка деформированной свинцовой гирии квадратной формы весом 495,93 г (имеются небольшие потери веса из-за повреждений поверхности), подтверждающей наблюдение Н.Л. Грач относительно существования на Боспоре весовой системы, в основе которой лежала облегченная персидская мина весом 504,6 г [Грач, 1976, с. 195].

К западу от проема ворот в пределах теменоса выявлен небольшой двор 2, на центральной оси которого находился ориентированный по линии запад-восток двухступенчатый алтарь (рис. 12). Хорошо отесанная верхняя плита его размерами 1 x 0,88 м, с небольшим вырезом трапециевидной формы 7 x 5 см в южной части имела высоту 0,27 м. Нижняя ступень алтаря размерами 1,18 x 0,96 м и высотой 0,16 м образована шестью известняковыми плитами разных размеров, создающими небольшой бортик шириной 4-9 см. С западной стороны алтаря на уровне его основания уложена прямоугольная плита размерами 0,64 x 0,42 м, на которую вставляли совершавшие обрядовые действия. Вследствие этого высота ее несколько стершейся верхней грани понижается с 8 до 5 см. Интересно отметить, что это уже не первый алтарь, найденный на городище. В свое время В.Г. Тизенгаузен отмечал, что именно в его южной части он обнаружил огромный трехступенчатый «жертвенник» [ОАК, 1878-1879, с. IX]. К сожалению, никакой графической фиксации этого сооружения сделано не было.

Еще один алтарь был открыт после проведения в августе 2006 г. в южной части городища геомагнитной съемки¹⁶, зафиксировавшей к западу от раскопа I (2001-2005 гг.) остатки большой прямоугольной постройки шириной не менее 15 м. Ранее здесь отмечалось скопление вывернутых плугами крупных известняковых блоков, стянутых в линию по границе весенней распашки. Это обстоятельство определило выбор места для закладки охранно-спасательного раскопа Ia площадью 50 кв. м в 10 м к западу от раскопа I, чтобы связать его с существующей сеткой квадратов.

В результате были обнаружены строительные остатки, синхронные открытым ранее на раскопе I двухступенчатому алтарю и ограде с воротами. Как и там, в качестве основного строительного материала использовался хорошо поддающийся обработке привозной ракушечный известняк. Архитектурные сооружения этой части теменоса располагаются на небольшой искусственной террасе, врезанной в склон холма, укрепленный крупными бутовыми камнями размерами от 0,22 x 0,11 x 0,08 м до 0,34 x 0,29 x 0,09 м. При их зачистке у восточного борта раскопа обнаружен медный фанаторийский дихалк 250-200 гг. до н.э. [Зограф, 1951, с. 246, табл. XLII, 13].

У восточного края террасы находился большой алтарь из массивных известняковых плит, уходящий краем в южный борт раскопа (рис. 13). Вскрытые размеры его составили 1,87 x 1,74 м (в основании) при высоте 0,27 м. В первоначальном виде, как и алтарь 2003 г., он был двухступенчатым, но верхняя плита в данном случае отсутствует, поскольку оказалась на уровне пахотного слоя (нижняя ступень на глубине 0,46 м от современной поверхности) и, видимо, была снесена плугами. Об ее размерах можно судить по сохранившимся

¹⁶ Геомагнитная съемка проводилась зав. лаб. НИИ физики им. В.А. Фока С.-Петербургского государственного университета д.и.н., к.ф.-м. наук Т.Н. Смекаловой.

подтесам, отстоящим от края нижней части этого сооружения на 0,14 м, т.е. ее ширина составляла около 1,32 м. Внутреннее пространство нижней ступени алтаря, заполненное плотно утрамбованной глиной серого цвета с включениями бутового камня, имело прямоугольную форму размерами 1,14 x 0,62 м. С западной стороны находилась служившая ступенькой растрескавшаяся и просевшая плита размерами 1,03 x 0,35 x 0,14 м. На пространстве к северу от алтаря найдены археологически целая красноглиняная миска, железный втульчатый наконечник тесла с треугольным лезвием шириной 5 см, и небольшая свинцовая гиря-разновес размерами 2,4 x 2,2 x 0,6 см и весом 36,3 г, на поверхности которой процарапаны буквы ΔΥ¹⁷. Судя по весу, гирька соответствует 1/12 эвбейско-аттической мины (425-437 г).

Там, где по данным геомагнитной разведки отмечалось наличие здания, на участке размерами 4,4 x 1,9 м был вскрыт угол постройки с вымосткой из тщательно уложенного мелкого бутового камня. Среди находок отсюда можно отметить круглое выпуклое костяное навершие (диаметр – 6,1 см) с центральным отверстием диаметром 2,2 см, а также медный пантикапейский дихалк (ок. 314-310 гг. до н.э.) с изображением головы сатира на аверсе и протомы крылатого Пегаса на реверсе [Анохин, 1986, с. 140, табл. 3, 112]. Пространство между зданием и алтарем (2,06 м) почти целиком вымощено посредством укладки керамид боспорского производства размерами 0,53 x 0,45 м (рис. 14). Вскрытая площадь этой вымостки из 7 целых, но растрескавшихся и 5 фрагментированных черепиц составила 1,73 x 1,61 м. На ней выявлены частично сохранившиеся фрагменты упавшей черепичной кровли в количестве 127 обломков (из них 23 принадлежат калиптерам и 104 – керамидам, но уже другого типа, чем использованные в вымостке). Остатки кровли зафиксированы и к северу от постройки на полосе шириной до 1,7 м, в том числе граненый калиптер размерами 0,53 x 0,125 x 0,1 м. По данным геомагнитной разведки южнее можно ожидать открытия, по крайней мере, одного храмового комплекса.

В северо-восточной части городища на раскопе Е было проведено исследование частично вскрытой Н.В. Анфимовым круглой башни позднеэллинистического времени [Анфимов, 1958, с. 53]¹⁸. Необходимость дополнительных работ здесь была обусловлена тем, что кладка башни находилась в угрожающем состоянии, частично «повиснув» над краями грабительской ямы (рис. 15). Раскопки проводились на прирезке размерами 6,5 x 6,5 м, т.е., с учетом работ Н.В. Анфимова, вскрытая площадь составила около 35 кв. м.

¹⁷ Эти буквы могут относиться к имени владельца, например, Δυ[νάτων].

¹⁸ Здесь в 2001 г. была обнаружена свежая грабительская яма размерами 2,8 x 2,04 м и глубиной 0,75 м, имевшая в плане округлые очертания. Она находилась в том месте, где кладка башни была пробита сквозной послевоенной траншеей для выборки камня, прошедшей с юго-запада на северо-восток на протяжении 15 м. Первоначальная ширина этой траншеи составляла 1,8-2 м, а глубина – около 1,2 м от современной поверхности.

Остатки оборонительных сооружений позднеэллинистического времени, трасса которых почти совпадает с более ранними, были впервые обнаружены в южной части раскопа Е в 1949 г. на очень небольшой глубине или на уровне современной поверхности [Анфимов, 1958, с. 99-100]. Как правило, сохранность их очень плохая, т.к. крепостная стена толщиной 1,9 м практически полностью выбрана. Местами от нее остались лишь отдельные квадры и часть внешнего панциря из плит ракушечного известняка и песчаника на высоту двух рядов кладки (0,4-0,5 м). Круглая башня диаметром 5,06 м, являвшаяся угловой в системе обороны, сохранилась гораздо лучше, т.к. в данном случае был использован известковый раствор с примесью мелкого неокатанного песка¹⁹. Это достаточно редкий случай для данного времени, хотя Филон Византийский, живший во второй половине III в. до н.э., рекомендовал применение известкового раствора в кладке фундаментов крепостных стен, а также для тех узлов обороны, которые могут подвергнуться сильным ударам врага [Philo, Bel., I, 1]. Таким образом можно сделать вывод об использовании местными архитекторами новейших для того времени достижений греческой фортификации.

Кладка башни иррегулярная, постелистая, из грубо обколотых, уплощенных кусков известняка, на два лица. Толщина ее – 0,6-0,8 м, наибольшая сохранившаяся высота – 0,63 м. Размеры камней по внутреннему фасу составляют от 0,1 x 0,04 м до 0,52 x 0,14 м, по внешнему – от 0,14 x 0,05 м до 0,40 x 0,21 м. Заполнение внутреннего помещения башни и вход в нее с юго-западной стороны были в значительной мере уничтожены упоминавшейся траншеей (см. прим. 18). Зафиксированный здесь разрыв в кладке имеет длину 2,06 м. Пол внутреннего помещения башни диаметром 3,8 м глинобитный, с некоторым понижением в центре и в восточной его части. Его уровень, в основном, в юго-западной части помещения, был перекрыт выбросом из грабительской ямы с мешаным керамическим материалом V–III вв. до н.э.

В южной части башни на уровне подошвы кладки выявлены остатки фундамента северной крепостной стены, на 0,46 м выступающие внутрь помещения. Почти полностью выбранная трасса стены прослежена в юго-западной части прирезки на площади 4 x 2,5 м. Остались только отдельные грубо обколотые куски известняка неправильной формы размерами от 0,14 x 0,14 x 0,07 м до 0,52 x 0,40 x 0,18 м. Стратиграфия западного борта прирезки выглядит следующим образом: под гумусным слоем (толщина 0,08-0,14 м) находится слой плотного среднегумусированного суглинка темно-серого цвета мощностью от 0,38 до 0,66 м. На уровне подошвы первого штыка (0,18 м) в юго-восточном углу прирезки с внешней стороны башни найден пантикапейский дихалк 90-80-х гг. I в. до н.э. [Анохин, 1986, с. 145, табл. 7, 203]. В отвале из

¹⁹ Анализ раствора, проведенный в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, показал высокую степень вымывания кремниевой кислоты, что вообще характерно для древних известковых растворов.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

этого штыка найден также пантикапейский тетрахалк [Анохин, 1986, с. 148, табл. 10, 251], датирующийся концом правления Асандра (47-17 гг. до н.э.). Здесь же, на уровне основания башни, который является нижней границей слоя суглинка темно-серого цвета, найдена медная пантикапейская монета второй четверти III в. до н.э. [Зюграф, 1951, с. 245, табл. ХLI, 5] со срубленным литником (тип: голова сатира влево – лук и стрела).

Таким образом, подводя итоги, можно согласиться с Н.В. Анфимовым, относившим нижнюю хронологическую границу последнего периода функционирования оборонительных сооружений северной части Лабриса ко времени около середины III в. до н.э., когда фортификационное строительство усиленно велось на всей территории Боспора [Толстиков, 1981, с. 17]. При том, что новые укрепления следовали прежней фортификационной схеме, можно отметить использование боспорскими военными инженерами достижений эллинистической фортификационной практики. В частности, это демонстрирует возведение на важном для обороны северо-восточном углу круглой башни, как вполне самостоятельного звена, и использование в ее кладке известкового раствора. Что касается прекращения существования Лабриса как крепости, то датировку Н.В. Анфимова – начало II в. до н.э., видимо, необходимо пересмотреть в сторону ее повышения. Представляется возможным связать это событие с военными действиями конца I в. до н.э., связанными с пребыванием Полемона на Боспоре. По крайней мере, об активной городской жизни в этот период свидетельствует тот факт, что из 59 монет IV–I вв. до н.э., найденных за семь последних полевых сезонов в северной и южной частях городища, 16 датируются именно I в. до н.э. После этого на территории Лабриса местами еще теплилась жизнь, но как военно-административный центр он прекратил свое существование. Возможно, определенную роль в данном отношении сыграло также смещение к северу русла Кубани, ведь процветание города во многом было обусловлено именно речной торговлей.

С изучением заключительного этапа существования Лабриса связано незавершенное пока исследование северной части раскопа А 1938-1940 гг., где Н.В. Анфимовым был открыт один из наиболее впечатляющих археологических объектов – укрепленное здание, датированное им второй половиной III в. до н.э. – I в. н.э. К настоящему времени в результате хищнической выборки камня местными жителями от внешних стен здания, толщина которых достигала 1,7 м, не осталось ничего (рис. 16). Более того, по внешнему контуру укрепленного здания выломан верхний слой фундамента и, соответственно, по периметру образовались вытянутые понижения в рельефе поверхности. Предложенная Н.В. Анфимовым датировка периода функционирования здания с учетом новых материалов, возможно, требует корректировки в отношении нижней хронологической границы, по крайней мере, на сто лет, поскольку ярко выраженный раннеэллинистический материал здесь отсутствует. Впрочем, окончательный вывод возможен только после

тщательной ревизии всех имеющихся коллекций находок из раскопок прошлых лет. Тот факт, что фундамент монументальной постройки впущен в слой разрушения первой половины IV в. до н.э., на верхней границе которого зафиксировано, при отсутствии каких-либо строительных остатков, только наличие очагов и нескольких ям, относящихся к второй половине IV – началу III вв. до н.э., скорее всего, свидетельствует о временном запустении этого района города после бурных военно-политических событий, связанных с его вхождением в состав Боспорского государства.

Полученные в последние годы результаты позволяют надеяться, что в ближайшей перспективе археологическое изучение Лабриса, прежде всего первоначальной городской застройки, может дать существенно новую информацию о ранней стадии греко-синдских взаимодействий и последующем развитии этого региона.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Данные палинологического анализа образцов из южного борта раскопа I

Для взятия палинологических образцов была проведена зачистка культурных напластований южного борта раскопа I в кв. 2, в 1,8 м от его юго-восточного угла, от материка до нижней границы пахотного слоя. Из обнаженных таким образом культурных напластований для получения непрерывного разреза на минимально возможном участке борта раскопа последовательно каждые 15 см снизу вверх брались образцы грунта, после чего он был снова законсервирован. Анализ 14 отобранных образцов производился в хронологическом порядке, охватывая почти двухсотлетний период, со второй четверти V в. до н.э. до конца IV в. до н.э. Из слоя светло-серого рыхлого суглинка первой половины III в. до н.э., нарушенного глубокой вспашкой (0,45 - 0,65 м от современной поверхности), образцы не отбирались, поскольку картина в данном случае заведомо искажена.

Техническая обработка образцов выполнялась по стандартной методике [Гричук, 1940, с. 53-58; Berglund, Ralska-Jasiewiczowa, 1986, p. 455-484] с применением тяжелой жидкости ($CdI_2 + KI$). Все образцы оказались карбонатными. При анализе пыли и спор использовались специальные определители [Куприянова, Алешина, 1972; Moore, Webb, Collinson, 1991; Erdtman, 1992; Reille, 1999], а также коллекция Института озероведения РАН. Спорово-пыльцевая диаграмма построена с помощью компьютерных

Горончаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)... ██████████

программ TILIA2, TILIA GRAPH2 Гримма [Grimm, 1987, p. 13-35; 1991] и TGView (<http://www.museum.state.il.us/pub/grimm/>). По результатам палинологического анализа выделено 5 палинозон (см. диаграмму на табл. 1) с отсчетом глубины от современной поверхности.²⁰

Палинозона 1 (235-270 см)

Зона соответствует слою темно-коричневого суглинка с включениями угля и желтовато-коричневому золотистому суглинку. Общая концентрация пыльцы невысокая в начале и в конце зоны, резко увеличиваясь в середине. Доминирует пыльца трав (до 60 %). Однако отмечается достаточно высокий процент пыльцы древесных пород и спор, что говорит о развитии лесов. Среди пыльцы древесных пород доминирует пыльца сосны (8-20 %). В середине зоны появляется пыльца ели, пихты, ореха, лещины, ивы. Это происходит на фоне увеличения концентрации пыльцы и увеличения видового разнообразия трав. В это же время отмечено самое большое по разрезу количество спор. Разнообразие трав представлено пыльцой злаков, маревых, сложноцветных и др. Достаточно широко представлена пыльца водных и прибрежно-водных растений (*Alismataceae*, *Typha latifolia* и др.). Среди споровых отмечены зеленые мхи, папоротники и хвощи. Количество спор самое большое по разрезу (13-35 %) в основном за счет высокого содержания папоротников.

Палинозона 2 (190-235 см)

Зона целиком соответствует слою светло-коричневого плотного суглинка. Увеличивается содержание пыльцы древесных пород, достигая здесь своего максимума по разрезу (до 50 %). Безусловной доминантой является пыльца сосны (до 40 %). Впервые появляется пыльца березы. Отмечается постоянное присутствие пыльцы ивы. Среди трав преобладает пыльца злаков, осоковых, гречишных. Процентное содержание пыльцы сложноцветных значительно снижается. Количество пыльцы маревых и гвоздичных незначительно. Отмечена пыльца культурных злаков, сопровождаемая пыльцой сорных растений (*Centaurea*, *Rumex*, *Plantago*). Количество и разнообразие спор, среди которых в основном представлены споры хвоща, заметно снижается.

Палинозона 3 (148-190 см)

Зона представлена желтовато-коричневым суглинком с рушенным сырцом и зольными прослойками, золистой прослойкой с включениями угля и частью сероглинистого слоя. Общая концентрация пыльцы снижается наряду с резким сокращением процентного содержания пыльцы древесных пород.

²⁰ Заключение по данным палинологического анализа образцов подготовлено Т.В. Сапелко (Институт озероведения РАН) при участии В.А. Горончаровского.

В этой группе продолжает доминировать пыльца сосны, однако количество ее также уменьшилось (0-10 %). Пыльца березы вновь исчезает, зато появляется пыльца ореха и единично отмеченная пыльца дуба и ольхи. На протяжении всей зоны преобладает пыльца травянистых пород. В этом отношении происходит смена доминанты с резким возрастанием количества пыльцы маревых (12-31 %), сложноцветных (12-25 %), осоковых (19-23 %). Появляется пыльца полыни. Несколько теряют ведущую роль в образовании травянистого покрова злаки, достигая 25 % в конце зоны, а в середине практически исчезая. Совершенно отсутствует пыльца культурных злаков и сопутствующих им сорных трав. Спор на протяжении всей зоны не обнаружено совсем.

Палинозона 4 (110-148 см)

Зона охватывает верхнюю часть сероглинистого слоя и нижнюю желтовато-серого плотного суглинка. Концентрация пыльцы резко увеличивается и является максимальной по разрезу. Количество пыльцы деревьев невелико, при этом абсолютно меняется состав древесных пород. Вновь появляется и становится доминирующей пыльца березы. Впервые количество пыльцы сосны сокращается до своих минимальных значений. В единичных случаях встречается пыльца ольхи и ивы. Бесспорна ведущая роль трав в формировании растительного покрова. Отмечено первое появление и постоянное присутствие пыльцы вересковых. С такой же постоянностью встречается пыльца хмеля обыкновенного. Количество пыльцы маревых немного снижается, при этом они продолжают оставаться среди доминантных видов (10-11 %). Значительную роль в составе травянистого покрова играют также злаки, осоковые, гречишные, розоцветные. Кривая процентного содержания пыльцы сложноцветных вновь снижается (до 3 %), впрочем, оставаясь непрерывной по всему разрезу. Отмечается широкое разнообразие разнотравья. В небольших количествах представлена пыльца *Ranunculaceae*, *Fabaceae*, *Apiaceae*, *Orchidaceae*, *Polemoniaceae*, *Artemisia*, *Scabiosa*. К концу зоны одновременно с пылью сорных трав вновь появляется пыльца культурных злаков. Отмечено появление небольшого количества спор, среди которых определены зеленые мхи, папоротники и хвощи. Что касается папоротников, на территории рассматриваемого региона в настоящее время встречается лишь один вид сем. *Polypodiaceae* – *Polypodium vulgare*, да и то весьма редко (Зернов. 2002; 2006). С большой долей достоверности определить до вида найденные в разрезе споры затруднительно, однако то, что это не *Polypodium vulgare* можно сказать с уверенностью.

Палинозона 5 (75-110 см)

Зона целиком соответствует слою желтовато-серого плотного суглинка. Концентрация пыльцы немного снижается, но все же остается достаточно высокой. Состав древесных пород, пыльца которых отмечается в небольших количествах (от 8 до 15 %), вновь принципиально меняется. При таком же

Горончаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

низком, как и в предыдущей зоне, содержания пыльцы сосны, пыльца березы исчезает совсем. Отмечено присутствие пыльцы ольхи и ивы. Вновь появляется пыльца дуба и ореха, а также впервые отмечена пыльца граба. Единичными являются образцы пыльцы ели и пихты, отмеченные до этого только в Палинозоне 1 (235-270 см).

Как и ранее, преобладает пыльца травянистых пород с одновременным увеличением количества пыльцы вересковых. Остается неизменным по сравнению с предыдущей зоной процентное содержание пыльцы маревых, примерно в таких же количествах отмечена пыльца злаков, гречишных. Количество пыльцы сложноцветных резко увеличиваясь в начале зоны, снижается к концу. Пыльца культурных злаков встречается постоянно, образуя непрерывную кривую. Определена и пыльца сорных трав. Увеличивается количество спор. Состав остается прежним, а процент их сопоставим только с содержанием спор в Палинозоне 1. Δυ[νάρτων].

Если обобщить сделанные наблюдения относительно развития и изменения природной среды в районе Лабриса, то получается следующая картина:

2-я – последняя четверть V в. до н.э. (палинозона I)

В этот период на изучаемой территории растительный покров значительно отличался от современного. Например, наличие таких пород, как сосна, пихта, ель говорит о развитии хвойных лесов, тогда как в настоящее время эти породы встречаются на более высоких высотных отметках и в более влажных условиях. Это наблюдение подтверждается присутствием в образцах этого времени споровых растений. О значительной увлажненности территории вокруг городища и, соответственно, существовании влажных лугов, свидетельствует наличие прибрежно-водной растительности при некотором распространении степных растительных сообществ (ксерофиты). Эта ситуация обеспечила благоприятные условия для активного развития земледелия, о чем говорят обнаруженные в образцах культурные злаки и сопутствующие им сорные травы. Сопоставляя полученные палинологические данные с имеющимися палеоботаническими материалами по античным памятникам Северного Причерноморья [Янушевич, 1986, с. 40-70], можно предположить, что здесь выращивалась пшеница с примесью ржи в качестве сопутствующего сорняка.

В это время наступил важный переходный период в развитии растительности, прослеженный повсеместно и зафиксированный в схеме Блитта-Сернандера, как переход от суббореального к субатлантическому периоду. В этот период климат был более влажным и прохладным, чем в настоящее время, что может быть связано с развитием фанагорийской регрессии Черного моря. Как известно, регрессивные стадии связаны с похолоданиями климата, а трансгрессивные – с потеплениями. Исследования Анапской пересыпи позволили датировать имеющиеся там отложения с помощью радиоуглеродного метода и отнести начало фанагорийской регрессии ко времени около 600 г. до н.э. или 2580 ± 80 л.н. [Измайлов, 2005], другие датировки –

3100 ±180 л.н.; 2300±60 л.н. [Каплин, Поротов, Янина, 2005, с. 172-173]. Продолжительность регрессии оценивается в 200 лет, а понижение уровня моря предполагается от 6 до 9 м ниже современного.

1-я четверть IV в до н.э. (палинозона 2)

Растительность все больше приобретает степной характер. Изменился характер лесов, где основной породой становится сосна. Распространение березы может быть связано с усилением антропогенного воздействия. Видовой состав трав говорит о постепенном исчезновении влажных лугов и прибрежно-водной растительности также как и об уменьшении луговых сообществ, что косвенно может указывать на повышение уровня и наступающую стадию нимфейской трансгрессии в акватории Черного моря, когда его уровень поднялся до современных отметок. Впрочем, внутри нимфейской стадии Балабанов (2007) выделил 2-3 трансгрессивные фазы, отделяющиеся одна от другой небольшими регрессиями. В любом случае климат стал более теплым и менее влажным.

2-я четверть IV в. до н.э. (палинозона 3)

Дальнейшее изменение растительного покрова говорит об усилении засушливости климата. На смену хвойным приходят широколиственные леса с участием дуба, как наиболее устойчивой к засухе широколиственной породы. Развитие лесных формаций с преобладанием дуба и распространением ольшаников в этот период подтверждают и исследования прибрежных отложений Азово-Черноморского побережья Таманского полуострова [Болеховская, Горлов, Поротов, 2001, с. 33-36].

Повсеместно распространяются полынно-маревые группировки. Снижается видовой состав разнотравья. Можно говорить об усилении ксерофитизации. Наличие горелой пыльцы и увеличение количества углей и золы в образцах, видимо, связаны с пожарами периода военной катастрофы, которую город и его окрестности пережили незадолго до включения в состав Боспорского государства. Косвенным подтверждением этого наблюдения может служить распространение вторичных березовых лесов на следующем этапе развития растительного покрова (палинозона 4). Исчезновение культурных злаков можно объяснить беспокойной военно-политической обстановкой и отсутствием в окрестностях Лабриса благоприятных для земледелия влажных лугов в связи с постепенной аридизацией климата в этом регионе. Во всяком случае, нельзя отрицать для него значение климата, как фактора снижения антропогенной составляющей развития природной среды. Климат в данный момент времени был теплым и сухим, так как количество осадков явно было низким и, соответственно, можно говорить о регрессивной фазе нимфейской стадии. П.М. Долуханов считает (в печати), что осцилляции Черного моря контролировались колебаниями климата, где трансгрессивные стадии соответствовали повышению уровня осадков в водосборном бассейне, а регрессии – их уменьшению. Наши результаты позволяют высказать предположение, что этот вывод далеко не так однозначен.

Середина – 3-я четверть IV в до н.э. (палинозона 4)

Растительность все больше приобретает характер современного растительного покрова. После череды пожаров в лесном поясе вновь появляется береза, а также кустарники (ольха, ива). Снова в образцах фиксируются культурные злаки, сопровождаемые сорной растительностью. Возможно при распространении ксерофитных группировок вновь появляются разнотравные мезофитные луга. На некоторое увлажнение косвенно указывает почти полное исчезновение сложноцветных.

В целом полученные по данному разрезу результаты указывают на некоторую зависимость распространения видов семейства сложноцветных от колебания влажности климата. На чрезмерно большое количество пыльцы сложноцветных в разрезах археологических поселений уже неоднократно обращали внимание многие палинологи [Кременецкий, 1991]. Сложноцветные являются сорняками, представителями нарушенных местообитаний, а также в качестве подчиненных компонентов входят в состав степных сообществ, не формируя травостоя и не являясь доминантами. Причины повышенного содержания пыльцы сложноцветных называются разные. В основном, обычно склоняются к тому, что эта пыльца наиболее устойчива к различным климатическим изменениям, а ее увеличение связано с усилением хозяйственной деятельности человека. Однако на примере данного разреза мы видим несоответствие пиков антропогенной деятельности и количества пыльцы сложноцветных, скорее наоборот. В таком случае единственное, с чем логично связать этот факт – увеличение сухости климата.

Итак, для этого периода, как и в предыдущей палинозоне, можно говорить о теплом и сухом климате, но условия для развития растительного покрова в связи с появлением на месте былых пожаров пионерной растительности и стабилизацией военно-политической обстановки, становятся более благоприятными.

Последняя четверть IV в. до н.э. (палинозона 5)

Растительный покров этого времени немного напоминает мезофитный характер растительности, типичный для данной территории в конце V в. до н.э. В лесном поясе вновь появляются хвойные породы, причем это те же сосна, пихта, ель. Развитие споровых также начинается с появлением пыльцы хвойных пород, что подтверждает развитие хвойных лесов. Появляются и широколиственные породы деревьев, такие как дуб и граб. В настоящее время такие сосновые леса с примесью дуба и грабинника распространены по всему Черноморскому побережью, непосредственно в береговой зоне, часто выходя на приморские обрывы [Зернов, 2006].

Очередной пик пыльцы сложноцветных в начале рассматриваемого промежуток времени, указывающий согласно нашим выводам на увеличение сухости климата, затем резко сходит на нет. При этом одновременно появляются хвойные породы деревьев, что говорит о всевозрастающем увлажнении

климата. Земледелие в этот период было достаточно интенсивным, а климат более прохладным и влажным, чем сейчас. Вновь можно говорить о регрессивной фазе развития нимфейской стадии.

Расцвет Лабриса (Семибратнего городища) и его последующий упадок, помимо военно-политических причин, явно обусловлен влиянием климатических факторов и колебаний уровня Черного моря. Следует обратить особое внимание на то, что приведенное описание растительности носит узколокальный характер, а антропогенная составляющая на протяжении всего затронутого временного интервала более значима, чем природная. Однако, количества исследованных образцов явно недостаточно, чтобы делать глобальные выводы. Для того, чтобы проследить динамику развития данной городской структуры в изменяющейся природной среде, необходимо продолжить работу по отбору образцов на палинологический анализ, увязывая полученные результаты с датировкой культурных напластований.

В.А. Горнчаровський

ЛАБРИС (СЕМІБРАТНЄ ГОРОДИЩЕ) ТА СІНДИ
(по матеріалах польових досліджень
Боспорської експедиції ІМК РАН у 2001-2008 рр.)

Резюме

Лабрис (Семибратне городище) розташоване у 28 км до північно-сходу від м. Анапа. Своєю широкою овальною частиною протягом приблизно 360 м він повернутий до р. Кубань та в загальному плані займає площу біля 11 га. Уперше розкопки цієї пам'ятки археології були проведені у 1878 р. В.Г. Тизенгаузенем, який раніше досліджував відомі Семибратні кургани у 3 км від городища. Наступний етап в його вивченні пов'язаний з роботами Н.В. Анфімова у період з 1938 по 1955 рр., коли були відкриті ділянки оборонних стін V-IV ст. до н.е. та пізньелліністична кам'яна споруда.

Нові дані про Лабриса отримані під час польових досліджень Боспорської експедиції ІМК РАН починаючи з 2000 р. Перш за все вони були пов'язані з південною частиною городища, яка має форму трапеції (площа біля 2,5 га). Утворення цього району міської забудови, включеного у фортифікаційну систему, створену на початку V ст. до н.е., можна розглядати як наслідок одночасного збільшення чисельності колективу громадян Лабрису. Самі ранні культурні нашарування були відкриті тут на ділянці, яка примикає до внутрішнього фасу східної фортифікаційної лінії. До неї відносяться збудована на материку прямокутна внутрішня проїзна вежа другої чверті V ст. до н.е. та прибудовані до неї східці. Можливо, з зовнішнього боку проріз воріт фланкіровала розташована праворуч від них вежа. Роблячи висновки з даних геомагнітної розвідки, саме таким чином розташовувались вежі, які захищали формаційні ворота на східному та північному боці «трапеції». На зйомках воротам відповідають «розриви» шириною біля 5 м. Причому на південній лінії оборони їх два, можливо, для забезпечення можливості несподіваних вилазок у случае спроб ворогів прорватися до міста.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

Ранні оборонні споруди на городище проіснували недовго та підлягали руйнуванню не пізніше середини 60-х рр. IV ст. до н.е. Пізніше їх залишки були використані як фундамент для возведення нової оборонної системи. Внутрішній фас її східної лінії зберігся у висоті на 1,6 м. Зв'язок між двома будівничими періодами в даному випадку підкреслений поворотом стіни другої половини IV ст. до н.е. у районі припустимих воріт, прорізів яких шириною біля 4 м прочитується на аерофотозйомці та геомагнітній карті. Наприкінці IV ст. до н.е. ця оборонна система ще раз постраждала під час воєнних дій. Судячи по триступінчатих сходах, які ведуть до рівня, по який вони були зруйновані у південній частині городища, з III ст. до н. е. кріпосні споруди тут відсутні, а на їх місці був закладений теменос, до якого відносяться залишки зовнішньої огорожі священної ділянки та два двоступенева олтаря.

З вивченням заключного етапу існування Лабрису (друга половина III ст. до н.е. – I ст. н.е.) пов'язано дослідження розкопу «А» 1938-1940 рр. При цьому встановлено, що фундамент зведеної тут укріпленої споруди впущений в шар зруйнування, на верхній межі якого зафіксовано тільки наявність вогнищ та декількох ям, які можна датувати другою половиною IV – початком III ст. до н.е., що, скоріше за все, свідчить про тимчасове занедбання цього району міста.

У додатку до статті наведені данні аналізу 14 палинологічних зразків, які охоплюють майже двохсотрічний період з другої чверті V ст. до н.е. до кінця I V ст. до н.е., що дозволяє зробити висновок про те, що розквіт Лабрису та його послідуєчий занепад крім воєнно-політичних причин також обумовлені впливом кліматичних факторів та коливань рівня Чорного моря.

В.А. Горнчаровский

ЛАБРИС (СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ) И СИНДЫ (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001-2008 гг.)

Резюме

Лабрис (Семибратнее городище) расположен в 28 км к северо-востоку от г. Анапа. Своей широкой овальной частью протяженностью приблизительно 360 м он обращен к р. Кубань и в общей сложности занимает площадь около 11 га. Впервые раскопки этого археологического памятника были проведены в 1878 г. В.Г. Тизенгаузенем, ранее исследовавшим известные Семибратние курганы в 3 км от городища. Следующий этап в его изучении связан с работами Н.В. Анфимова в период с 1938 по 1955 гг., когда были вскрыты участки оборонительных стен V-IV вв. до н.э. и позднеэллинистическое каменное здание.

Новые данные о Лабрисе получены в ходе полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН, начиная с 2001 г. Прежде всего, они были связаны с южной частью городища, которая имеет форму трапеции (площадь около 2,5 га). Создание этого района городской застройки, включенного в фортификационную систему, созданную в начале V в. до н.э., можно рассматривать следствием единовременного увеличения численности коллектива граждан Лабриси. Самые ранние культурные напластования были вскрыты здесь

на участке, примыкавшем к внутреннему фасу восточной фортификационной линии. К ней относятся возведенная на материке прямоугольная внутренняя проездная башня второй четверти V в. до н.э. и пристроенная к ней лестница. Возможно, с внешней стороны проем ворот фланкировала расположенная справа от них башня. Судя по данным геомагнитной разведки, именно таким образом располагались башни, защищавшие крепостные ворота на западной и южной сторонах «трапеции». На съемке воротам соответствуют «разрывы» шириной около 5 м. Причем на южной линии обороны их два, видимо, для обеспечения возможности неожиданных вылазок в случае попытки врагов прорваться в город.

Ранние оборонительные сооружения на городище просуществовали недолго и подверглись разрушению не позднее середины 60-х гг. IV в. до н.э. Позднее их остатки были использованы как фундамент для возведения новой оборонительной системы. Внутренний фас ее восточной линии сохранился в высоту на 1,6 м. Связь между двумя строительными периодами в данном случае подчеркнута поворотом стены второй половины IV в. до н.э. в районе предполагаемых ворот, проем которых шириной около 4 м читается на аэрофотосъемке и геомагнитной карте. В конце IV в. до н.э. эта оборонительная система еще раз пострадала в ходе военных действий. Судя по трехступенчатой лестнице, ведущей на уровень, до которого она была разрушена в южной части городища, с III в. до н.э. крепостные сооружения тут отсутствовали, а на их месте был заложен теменос, к которому относятся остатки внешней ограды священного участка и два двухступенчатых алтаря.

С изучением заключительного этапа существования Лабриса (вторая половина III в. до н.э. – I в. н.э.) связано исследование раскопа «А» 1938-1940 гг. При этом установлено, что фундамент возведенного здесь укрепленного здания впущен в слой разрушения, на верхней границе которого зафиксировано только наличие очагов и нескольких ям, которые можно датировать второй половиной IV – началом III в. до н.э., что, скорее всего, свидетельствует о временном запустении этого района города.

В приложении к статье приведены данные анализа 14 палинологических образцов, охватывающих почти двухсотлетний период, со второй четверти V в. до н.э. до конца IV в. до н.э., что позволяет сделать вывод о том, что расцвет Лабриса и его последующий упадок помимо военно-политических причин, во многом обусловлены влиянием климатических факторов и колебаний уровня Черного моря.

V.A. Goroncharovskiy

LABRYS (SEMIBRATNEE CITY SITE) AND SINDOI
(on materials of field investigations of Bosporan expedition of Institute
for the History of Material Culture RAS during 2001-2008)

Summary

The Labrys (Semibratnee city site) is located in 28 km to northeast from the modern city Anapa (ancient Gorgippia) in the valley of lower reaches of the Kuban River. The settlement by wider part about 360 m is inverted to the left coast of the river and covers about 10 hectares. Archaeological exploration of the site has a long history. The first small excavation was lead here in 1878 by Vladimir Tizengauzen, who before that investigated famous so-called Semibratnie barrows, where kings of the Sindoi were buried. He was the first to describe the ancient ruins at a distance of 3 km from the barrows.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

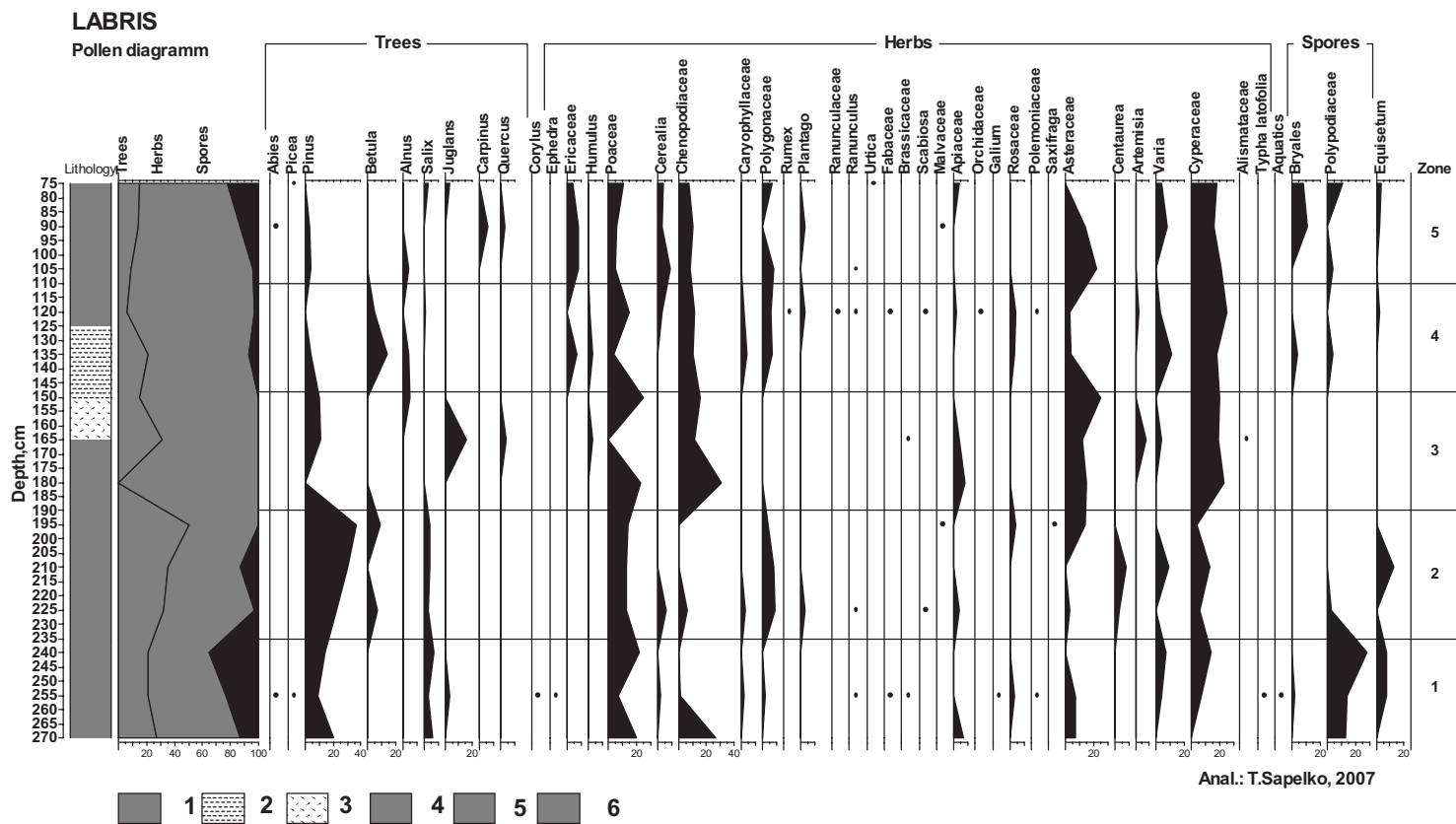
The second stage in the research of this fortified settlement is constituted by the fieldworks of Nikita Anfimov in 1938-40, 1949-52 and 1954-55 (in the north and northeastern parts of the site). He revealed defensive walls of the 5th-4th century B.C. with rectangular towers by safety up to 2 m in height and monumental stone building of the middle of the 3rd-1st century B.C. The general capacity of cultural layers of the end of the 6th century B.C.-1st century A.D. reaches to 3,4 m. Recently the real name of city – Λάβρυ[ς] - is became known from occasionally revealed find of dedicated inscription of the Bosporan king Leukonos I (389/88-349/48 B.C.), where it is spoken about the fight with Octamasades, the son of Sindoi's king Hekateios, when he has attempted to deprive of power his father.

N.Anfimov did not doubt that the city has resulted from social and economic development of Syndoi, which appeared in the close neighbourhood with Greek colonies of Cimmerian Bosphorus. The purpose of the present work is the analysis of the new data received during last field researches (since 2001) and attempt to give the vision of separate problems of studying of Sindoi and Sindian kingdom. Certainly we understand, that many supervision and conclusions have preliminary character and demand an additional substantiation.

First of all the works of last years are connected with the southern part of ancient settlement. It has the form of trapeze in the sizes nearby 200 (basis)x130x100 m (lateral sides), whereas northern part turned to ancient channel of Hypanis - oval outlines. These distinctions are represented not casual. The form of a coastal part of city territory, probably, represents result of enough chaotic construction. R.Marten has allocated direct dependence of system of building of the peripheral Greek centers from their economic orientation. In this case early Labrys, corresponds with emporion - the settlement which established with the purpose of exchange with a native society. Most probably the Greeks founded Labrys as result of peaceful contacts with the Sindi in accordance with special agreement. The earliest samples of amphora's fragments and painted ceramics give the date not earlier then beginning of the 5th century BC. Hence, early defensive walls should be erected near to 480 BC. In this connection it is possible to assume: whether there was it one of the first actions of Bosporan symmahia which included the Sindoi in number of their allies? Quite probably, that the local tribe ruler has received in Labrys a constant residence. In the further It has caused a special role of this city in formation of Sindian kingdom and in events of military and political history of Syndica. The indicators of the importance of the city are rich burials in located nearby Semibratnie barrows. First of which have been constructed about middle of the 5th century BC (barrows № 2 and 4) and the tradition of erection barrows disappears with the end of independent existence of Sindian kingdom. It is not excluded that some later Labrys got the status of polis under control of Sindoi and their rulers provided protection of city territory and received gifts in the form of dear weapon, jewelry and a luxury goods from the Greeks.

In the perspective the archaeological study of Labrys can give essentially new information about early stage of the Greek-Sindian relations and following development of this region.

Таблица 1. Данные палинологического анализа образцов из южного борта раскопа I, представленные в виде диаграммы

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

Рис. 1. Общий вид Лабриса (Семибратнего городища) с севера.

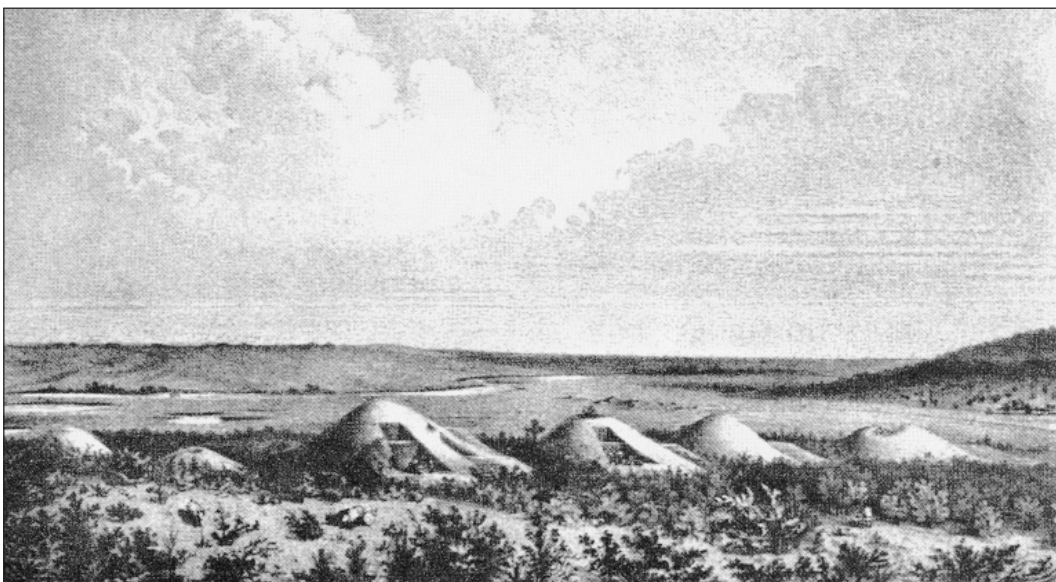

Рис. 2. Раскопки Семибратних курганов. Литография 1875 г.

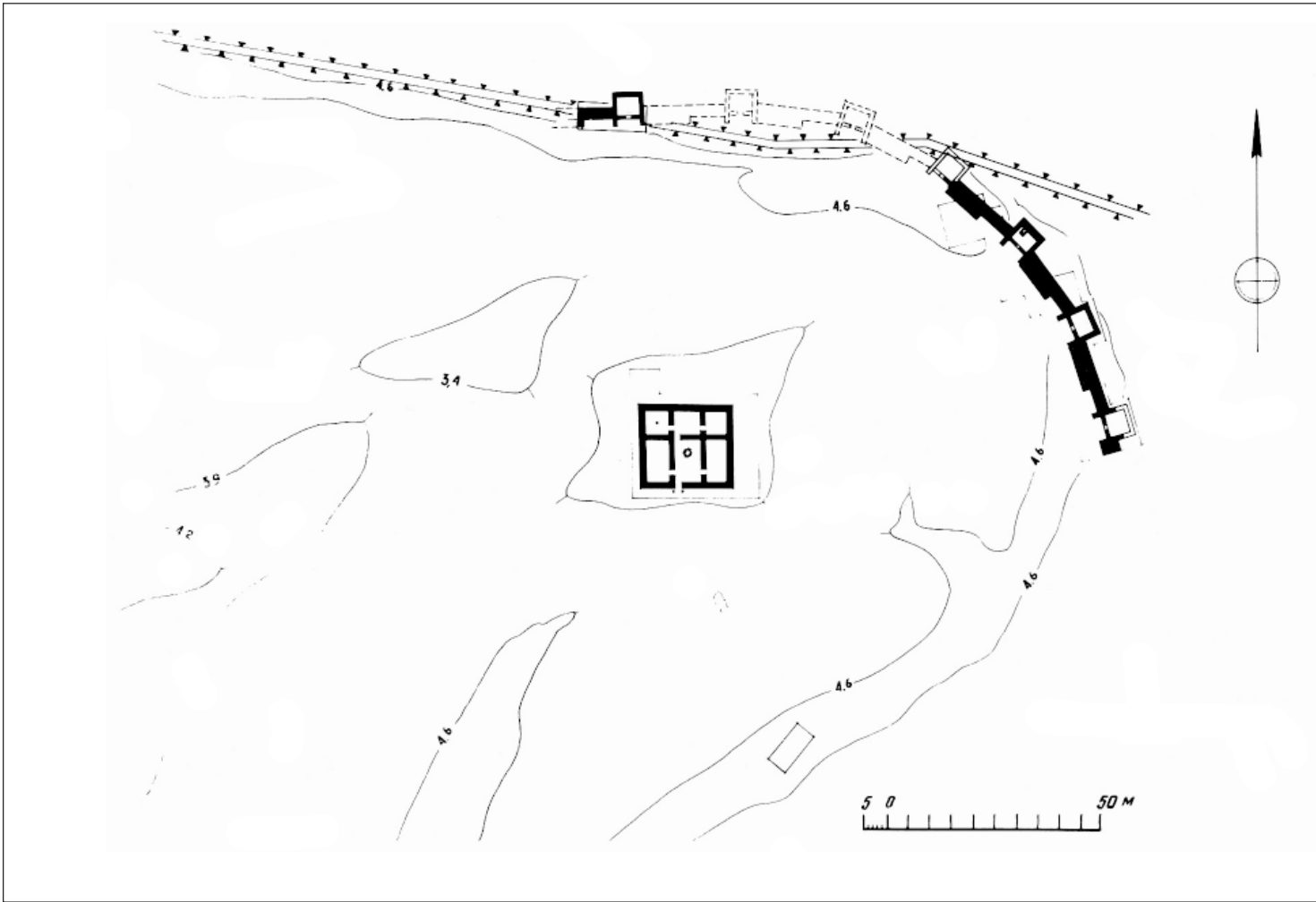

Рис. 3. План раскопок Н.В. Анфимова в северо-восточной части Семибратнего городища.

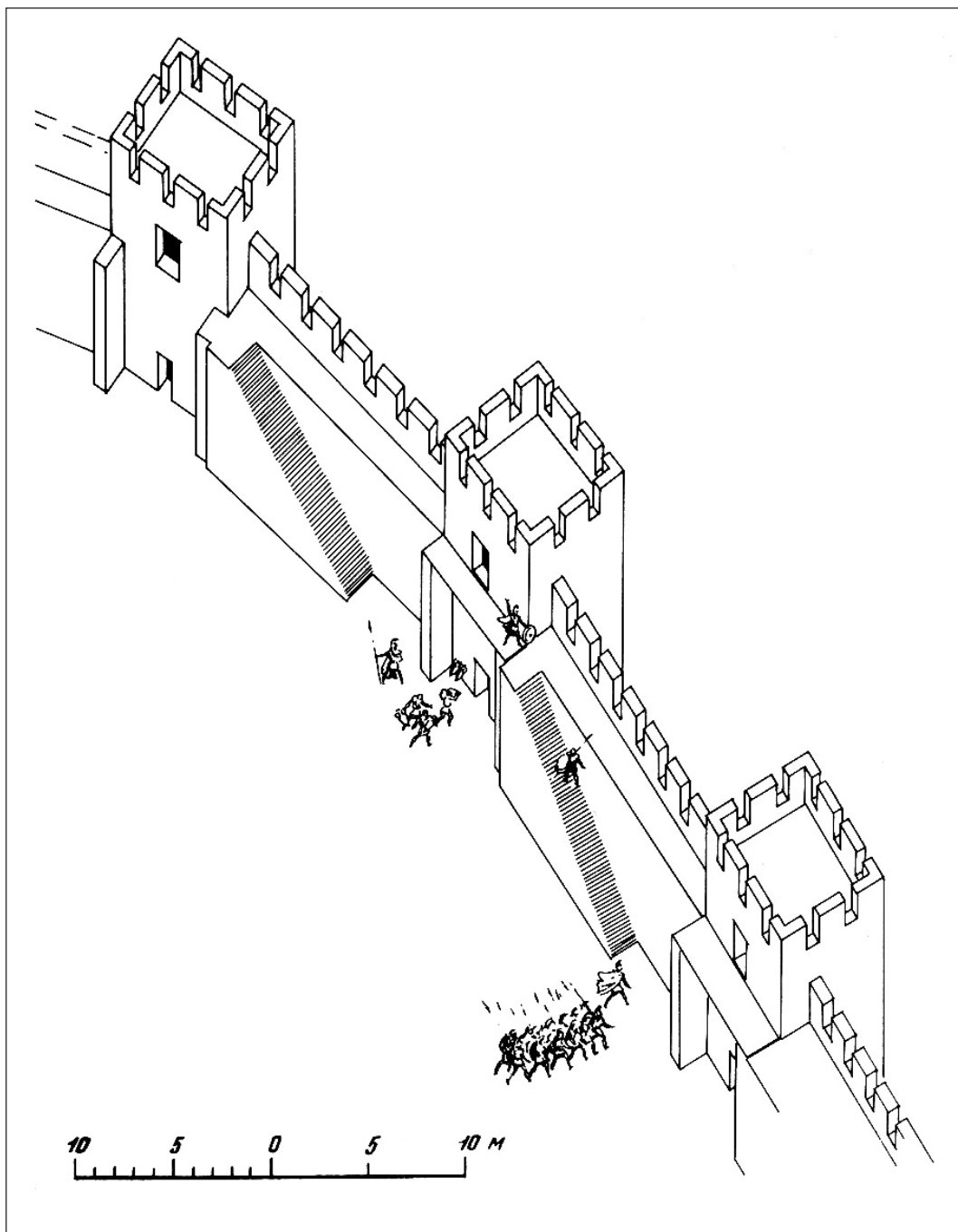

Рис. 4. Реконструкция северо-восточной оборонительной линии Семибратнее городища (по В.П. Толстикову).

Рис. 5. Аэрофотоснимок Семибратнего городища (1959 г.).

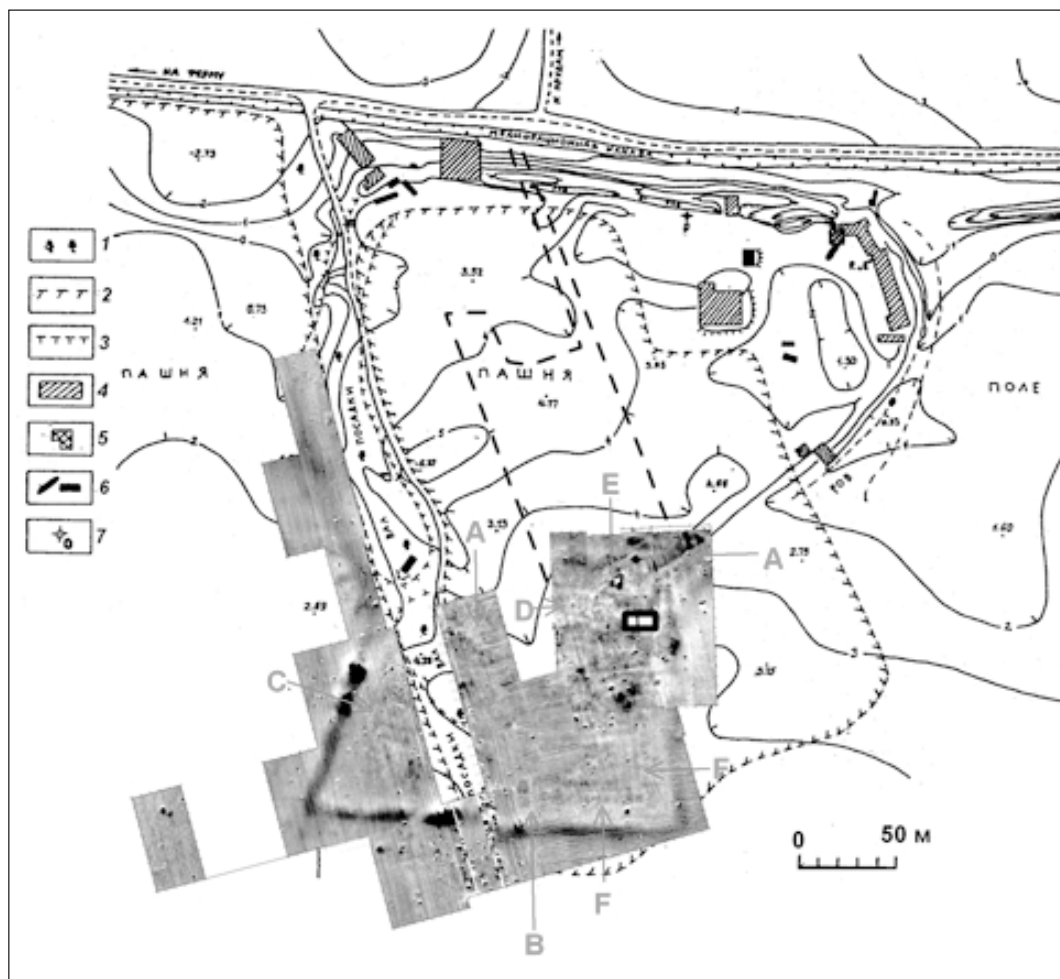

Рис. 6. Геомагнитная карта Лабриса по данным съемки 2006-2008 г. (в качестве фона использован топографический план городища 2001 г.).

Рис. 7. Основание лестницы и проездная башня V в. до н.э. (вид с юга).

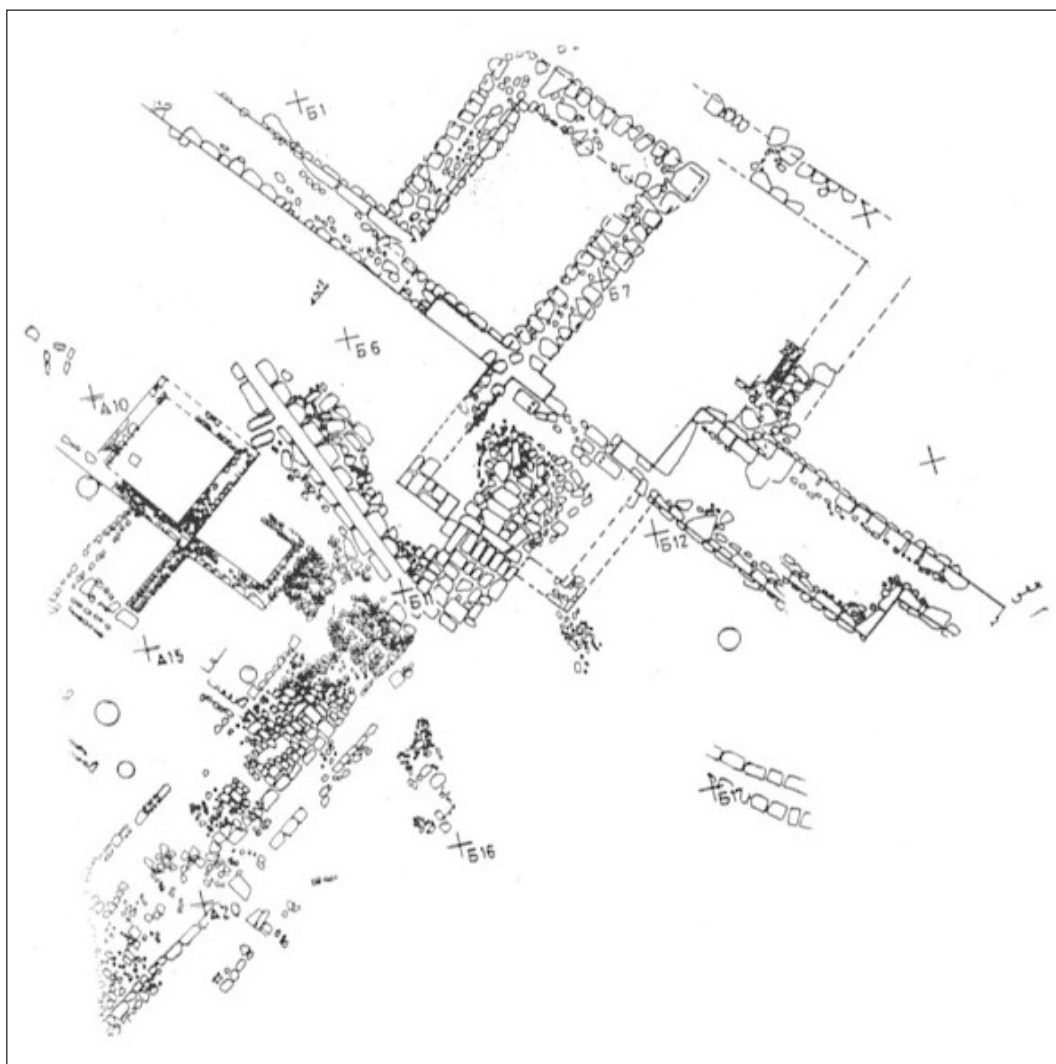

Рис. 8. План укреплений Пистироса с примыкающим участком городской застройки (по Я.Боузеку).

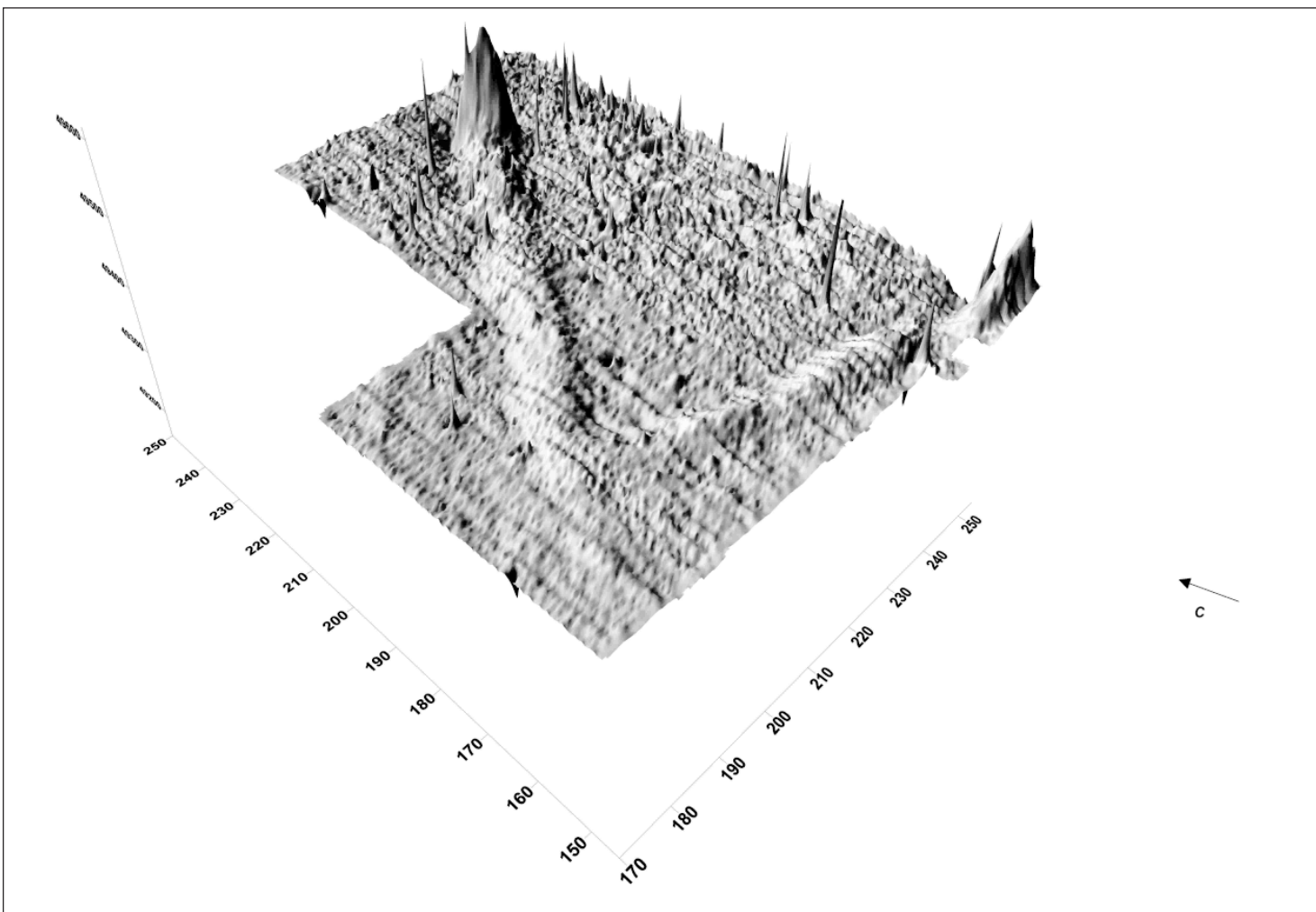

Рис. 9. Юго-западная часть оборонительных сооружений Лабриса (Семибратнего городища). Трехмерная модель магнитных аномалий.

Рис. 10. Лестница V в. до н.э. с возведенной над остатками ранних укреплений оборонительной стеной IV в. до н.э.

Рис. 11. Ограда теменоса на участке двора 1 (вид с запада).

Рис. 12. Алтарь в центре двора 2 (вид с юга).

Рис. 13. Алтарь в западной части теменоса.

Рис. 14. Вымостка из черепиц боспорского производства к западу у алтаря в западной части теменоса.

Рис. 15. Круглая башня III-I вв. до н.э. (вид с запада).

Рис. 16. Зачистка северной части раскопа «А» по уровню фундамента внутренних стен (вид с запада).